
НАСЛЕДИЕ

Петр Борисович Ганнушкин (1875–1933) – выдающийся психиатр, создатель концепции малой психиатрии и учения о патологических характерах. С 1918 года руководил психиатрической клиникой Московского университета, с 1930 года – 1-го Московского медицинского института.

Статья «Сладострастие, жестокость и религия» была опубликована в 1901 году во французском журнале «Annales médico-psychologiques» (t. XIV, Novembre 1901, p. 353–375). По-русски (в переводе О. В. Кебрикова) она впервые напечатана в книге: Ганнушкин, П. Б. 1964. *Избранные труды*. М.: Медицина, с. 80–94. В данной публикации сохранено авторское оформление литературы.

П. Б. ГАННУШКИН

СЛАДОСТРАСТИЕ, ЖЕСТОКОСТЬ И РЕЛИГИЯ

Автор пытается доказать родство трех совершенно не связанных на первый взгляд чувств: злобы, сексуальной любви и религиозного чувства. Из этих чувств наиболее сильным является сексуальное; религиозное чувство и жестокость в некоторых случаях могут рассматриваться как заменители всемогущего сексуального инстинкта. Объединение этих столь разных чувств в одну группу может иметь значение для возможной естественной физиологической классификации чувств.

Ключевые слова: религия, сладострастие, жестокость, насилие.

Патологические явления есть не что иное, как преувеличенные физиологические явления.

Лобштейн

Болезнь может дать ключ к пониманию многих явлений из области морально-аффективной и интеллектуальной; она раскрывает их истинную природу.

Ж. Моро (де Тур)

Религия не препятствует ни пороку, ни преступлению; она иногда даже способствует и тому и другому.

Корре

Три чувства, совершенно различные на первый взгляд, – злоба, сексуальная любовь и религиозное чувство¹, – если опираться на множество фактов и соображений, находятся друг к другу в большой близости; тогда, когда возрастает их интенсивность и в особенности, когда злость трансформируется в жестокость, в свирепость, сексуальная любовь – в сладострастие и религиозное чувство – в фанатизм или в мистицизм, тогда эти три чувства совпадают или смешиваются без заметных границ.

Факты и соображения, которые мы позволяем себе изложить, распадаются на три группы: 1) мы должны доказать родство религиозного чувства и сексуальной любви; 2) сексуальной любви и злобы; 3) религиозного чувства и злобы. Таким образом, мы сможем доказать родство каждого из этих чувств с каждым другим, и тем самым, очевидно, будет доказано родство всех этих чувств в их совокупности; тогда главная часть нашей проблемы была бы решена. Мы заранее согласимся, что для решения нашей проблемы мы не собрали еще достаточно фактов, но мы полагаем, что основное состоит не столько в количестве фактов, сколько в том, что они нам говорят.

I

В Риме, в церкви Санта Мария делла Виттория, находится группа Лоренцо Бернини, неаполитанца (1598–1680), в которой изображена святая Тереза, лежащая без сознания на мраморном облаке, и ангел, который готовится пронзить ее сердце стрелой мистической любви. «Нет необходимости разьяснять, – говорит по поводу этого сюжета Любке, – что религиозный экстаз в этом случае представлен характером чувственности не потому, что художник так хотел, но в силу естественного психологического состояния, которому обычно подвластна чрезмерная религиозность.

Если мы попытаемся найти происхождение этой атмосферы, насыщенной сладострастием, то мы должны будем признать, что ее зародыши отчетливо видны во всех последних работах Корреджо, где взгляды мадонн и святых имеют слишком земное выражение».

¹ Сначала мы должны сказать, что, трактуя его как религиозное чувство, мы не рассматриваем аффективную сторону этого сложного чувства, не затрагивая сторону интеллектуальную (Вунд связывает религиозное чувство с категорией интеллектуальных чувств).

Таким образом, идея родства религиозного чувства и чувства сексуального² проникла также в искусство³.

Если бы мы хотели исследовать, в какую эпоху эта идея начала реализоваться, мы должны были бы обратиться к самой отдаленной древности, может быть, даже к тому времени, когда религиозное чувство только еще народилось у человека. «Глубокая древность, – говорит Моро (де Тур⁴), – связывала с религиозной идеей признаки, которые теперь кажутся нам непристойными или смешными... В Вавилоне, в Финикии, в Армении и др. все женщины должны были принести любовную жертву на специальном алтаре⁵. Такой обычай существует еще и в наши дни во многих провинциях Индостана, Цейлона, в Полинезии, в частности на Таити. Египтяне, греки, римляне имели множество праздников, где царил разнузданный разгул. В наши дни в Индии, где религиозные традиции сохранились во всей их чистоте, праздники, которые носят имя “праздники Сакти-Пудия, или мистерии всеобщего оплодотворения”, воспроизводят все, что можно вообразить, все противоестественные гнусности, окруженные всей помпой индусских церемоний».

В Средние века существовала целая серия религиозных фанатических сект, в которых характерным образом сочетались религия и любовь. Так, николеты проповедовали отсутствие всякого стыда в сексуальных функциях и учили, что страсти, даже самые низкие и грубые, полезны и святы; адамысты учили, что стыдливость должна быть пожертвована богу; наконец, мы должны упомянуть еще об одной эротической секте, пикардистов, которые позже появились во Франции под именем «насмешников» («*turlupins*»)⁶. Можно

² При попытке найти идентичную композицию в отношении этих двух чувств кое-что можно встретить в труде Неймана (*Lehrbuch der Psychiatrie* – Учебник психиатрии, 1859), а также в труде Крафт-Эбинга (*Psychopathia sexualis*, 1893).

³ Мы не можем не привести выдержку из Золя, в которой в художественной манере представлена связь этих чувств: «Мюффа снова стал ревностно исполнять религиозные обязанности... Небо вырвало его из рук женщины, чтобы передать в руки господина бога. Граф находил в религиозном экстазе сладострастные ощущения, пережитые с Нана, те же мольбы и приступы отчаяния, то же самоуничтожение отверженного существа, на котором лежит проклятие его пола. В церкви, с онемевшими от холодных плит коленями, он снова переживал былые наслаждения, вызывавшие судорожную дрожь во всем теле, помрачавшие его разум, удовлетворяя смутные потребности, таившиеся в темных глубинах его существа» (Э. Золя, «Нана»).

⁴ *Des aberrations du sens genesique*, 1880. Соотв. ссылка в произведениях Жаколлио (Jacolliot) *Etudes indianistes*; Монтеня (Montaigne), *Essais*, III; См. Ломброзо и Ферреро (*Lombroso et Ferrero*), *La femme criminelle et la prostituee* и также *Ploss, Das Weib*.

⁵ Храмы богини Милитты имелись в Вавилоне, богини Анаитис – в Армении, богини Астарты – в Финикии и богини Изис – в Египте.

⁶ См. Ломброзо и Ферреро, цит. соч.; оно реферировано в сочинении Дюфура (*Dufour*) *L'histoire de la prostitution*.

проследить существование подобных сект до нашего времени. Так, Ева Батлер (XVII–XVIII столетия) основала в Гессене «секту религиозных филаделфийцев», которая проповедовала воссоединение духа и тела; в начале XIX столетия пасторы Эбель и Дистель основали в Кенигсберге секту «баб» («*moukkers*»), которую обвинили в том, что под маской религии она скрывала разврат; такова же природа секты «хлыстов», еще и ныне существующей в России, члены которой во время их религиозных церемоний, называемых «радения», впадают в экстаз, в котором они предаются необузданному разврату. Жизнь монастырей чрезвычайно богата примерами, когда не только усердно молятся, но когда при случае предаются самым экстравагантным оргиям, где религиозное мистическое единство полов приводит к соединению менее духовного порядка.

Не без оснований во многих странах до настоящего времени существует слух, будто тот или другой женский монастырь соединен подземным ходом с соседним мужским монастырем⁷. Жизнь святых⁸ не имеет недостатка в примерах, когда сексуальный инстинкт занимает господствующее положение. Так, фанатик Ловат, который себя распял в Венеции в 1805 г., отрезал половые органы и выбросил их в окно. Монашенка Агнесса Бланкбекен была постоянно томима идеей узнать, что стало с частью тела Иисуса Христа, удаленной при обрезании. Святая Екатерина Генуэзская часто страдала таким внутренним жаром, что для того, чтобы немного успокоиться, она ложилась на землю и кричала: «Любви, любви, я больше не могу!»

Она была настолько сильно привязана к своему духовнику, что когда однажды приблизила свой нос к его руке, она испытала такой запах, который проник в ее сердце: «Божественный запах, – говорила она, – который может пробудить мертвых». Святая Армелль и святая Елизавета страдали от любовного огня. Наконец, хорошо известны мучительные искушения сексуального характера, от которых страдали святые, как, например, святой Антоний Отшельник. Можно без труда привести большое число подобных примеров.

Врачи и особенно психиатры давно уже уделяют внимание близости религиозных и половых чувств; психиатры больше чем кто-либо другой смогли установить связь этих феноменов. Время

⁷ См. *Ploss, op. cit.*, где он ссылается на высказывания секретаря папы Урбана VII. *Thierry de Niem, Barlette Maillard* и др.

⁸ См. *Friedreich. Allgemeine Diagnostik der psychischen Krankheiten*, 1832, и другое его сочинение: *Systematisches Handbuch der gerichtlichen Psychologie*, 1835.

более выраженного религиозного чувства есть время полового развития (Нейман, Крафт-Эбинг), когда новые и незнакомые сенсации требуют какой-то объективации (Крафт-Эбинг).

«Религиозный фанатизм, – говорит Модсли⁹, – одетый в болезненную форму, часто сопутствует болезненному сладострастию, тогда как у некоторых женщин, и особенно у незамужних и бездетных, религиозная диспозиция бывает связана с болезнями матки». Связь между религиозной экзальтацией и сексуальным возбуждением была отмечена Фридрейхом, Мейнертом¹⁰, Марком, Режи, Луазо, Бронардель, Ломброзо, Балль, Моро¹¹ и др. Религиозное помешательство (паранойя религиоза) очень часто связано с болезнями половых органов, и в клинической картине этого помешательства галлюцинации сексуального характера, мастурбация и всякого рода сексуальные эксцессы занимают настолько заметное и постоянное место, что на это можно найти указания в каждом элементарном руководстве по психиатрии. Фридрейх¹² приводит случай религиозной меланхолии; этот больной до начала заболевания и в течение его страдал очень частыми поллюциями; когда поллюции прекратились, закончилась и психическая болезнь. Икар¹³ приводит серию наблюдений религиозного помешательства, которое совпадало или со временем полового созревания, или с началом месячных, или с их временной задержкой, или с менопаузой.

Два следующих наблюдения очень показательны для случаев, которые нас интересуют.

«I. Религиозный энтузиазм, галлюцинации, желание уйти в монастырь и другие психические нарушения возникают периодически у особы, менструации у которой возникли в 18 лет и вначале были скудными, а годом позже полностью прекратились. Продолжительное лечение болезни матки привело к возобновлению регул и вернуло прежнее здоровье».

«II. Девушка двадцати лет после полной задержки месячных впала в религиозную экзальтацию и стала очень возбужденной.

⁹ Maudsley. *Physiologie de l'esprit*, 1871.

¹⁰ Мейнерт в своих клинических лекциях (*Klinische Vorlesungen*, 1890) предпринимает интересную попытку физиологического объяснения одновременности болезненных состояний сексуального и религиозного характера у эпилептиков, объяснения, с которым, однако, нельзя полностью согласиться.

¹¹ Несомненно, что мы не назвали и половины психиатров, которые свидетельствуют об этой связи.

¹² См. сноску 8 на с. 171.

¹³ Jcard. *La femme pendant la periode menstruelle*, 1890.

При соответствующем лечении месячные вернулись и постепенно наступило выздоровление».

«Связь между религиозным помешательством и половыми органами, – говорит Фридрих, – настолько очевидна, что даже те вещества, которые влияют на половые органы, могут провоцировать психическое заболевание, как, например, дурман. Соваж сообщает о нескольких интересных наблюдениях, которые возникли при употреблении этого растения и которые проявились главным образом в форме религиозно-мистического помешательства». Задержимся в области психиатрии еще на двух примерах, которые, в силу их рельефности, едва ли имеют им равные. В первую очередь это молитва одной истерички, о которой сообщает также Фридрих. Эта молитва адресована святому Эммануилу: «О! Если бы я тебя нашла, божественный Эммануил, если бы ты был расprostерт на моей кровати, мое тело и моя душа возрадовались бы; приди, и чтобы мое сердце послужило бы тебе убежищем, возложи свою голову на мою грудь» и т. д. Другое наблюдение, еще более интересное, сообщено Моро де Туром в его известном сочинении *La psychologie morbide*. Он цитирует письма больной М. Х., которая пишет о любви божественной, которая пронизывает и воспаляет все части ее тела и ее душу. «...Однажды ночью, проснувшись, я почувствовала как бы оборвавшееся наслаждение, мои руки, как бы сами по себе, скрестились на моей груди, и я в страхе ожидала, что скажет Господь. Я его увидела очень отчетливо таким, каким он описан в Песне песней, но полностью обнаженным. Он простерся около меня, его ноги были на моих, его руки скрестились с моими, разорвав свой терновый венок, он прижал мою голову к своей; затем, в то время когда я почувствовала боли от его гвоздей и терновых игл, его губы коснулись моих и мне был дан божественный поцелуй, поцелуй божественного супруга, он дохнул мне в рот дивным дыханием, которое влило во все мое существо освежающую бодрость, радостное несравнимое содрогание».

Мы не должны удивляться баронессе Крюденер, которая то восклицала: «Любовь, это я», то «Небо, это я». Не должны удивляться и больной Мореля, на которую ссылается М. Ритти (*La folie à double forme*), которая была по очереди то религиозной, то проституткой; связь между рассмотренными феноменами настолько постоянна, что, по мнению Балля¹⁴, «можно было бы думать, что основа обоих феноменов – одни и те же клетки».

¹⁴ *Lessons sur les maladies mentales, 1880–1883.*

II

Если идея о наличии родства между религиозным и сексуальным чувствами сравнительно меньше проникла в искусство, если эта идея сравнительно меньше обработана поэтами и художниками, то совершенно иначе обстоит с вопросом об интимности сексуального чувства и жестокости. Если живопись, скульптура и поэзия, современные роман и драма часто обращаются к этому вопросу, если они широко затрагивают эти мотивы, то о них бессмысленно говорить в небольшой статье, поскольку имеется достаточно материала для целой книги. Сама история дала нам слишком поразительные примеры близости между жестокостью и сладострастием для того, чтобы можно было бы рассмотреть их детально¹⁵.

Мы удовольствуемся материалом, который нам доставляет криминальная психопатология и антропология. Можно считать установленным, что у очень большой части людей зло, которое они причиняют другим¹⁶, вызывает чувство сладострастия; с другой стороны, не нужно рассматривать как психически больных или дегенератов всех тех, у кого сексуальные функции сопровождаются актами жестокости. Эти два основных положения позволяют нам констатировать непрерывность между нормальными сексуальными функциями и фактами из сексуальной жизни¹⁷, которые известны

¹⁵ В работе Кальмейля (*Calmeil*) «О помешательствах» (*De la folie, I*), 1, 1845 можно найти примеры психических эпидемий, где встречается эта близость. В истории у людей, достигших вершины власти, мы находим множество примеров жестокости, соединенной со сладострастием (Сулла, Август, Калигула, Нерон, Вителлий, Домициан, Генрих VIII; и женщины: Агриппина, Фульвия, Мессалина, Елизавета Английская); другие менее показательные известности – Жиль де Рей, граф де Шаролэ и др.

¹⁶ Сразу же мы встречаем противоречие. Действия, которые зачастую провоцируются чувством сладострастия, бывают не только действия, причиняющие зло другим, но и такие, когда страдают от зла, причиняемого другими. Но это противоречие кажущееся: принято думать, что чувство, которое сопровождает действия, причиняющие вред другим, иное в сравнении с чувством, сопровождающим действия лица, страдающего от вреда, причиняемого другими, что эти чувства далеки одно от другого; на самом же деле, напротив, эти два чувства должны быть много ближе друг к другу, чем обычно думают. В противном случае будет трудно объяснить наблюдения, где отмечается у одного и того же садизм и мазохизм. Подобные случаи приводятся в вышеназванной монографии Крафт-Эбинга. По этому поводу нужно заметить, что имеется целая серия психически больных, у которых действия, причиняющие зло другим, жестокость по отношению к другим и по отношению к самому себе (в экстраординарных случаях – импульсы к убийству и к самоубийству) идут рука об руку; так бывает при меланхолии и при демономаническом бреде. Наконец, существует целая серия сект, где бичевание по отношению к самому себе и по отношению к другим всегда идут вместе.

¹⁷ Садизм наблюдается также и у животных (см. Ломброзо). Верблюд в период течки бывает очень злобен и всех кусает, даже самок. В Гамбургском зоологическом саду самец кенгуру убил самку и детенышей во время вспышки полового возбуждения. Кенар часто в

в специальной литературе под именем садизма, активной алголагнии, лягненомании, эротического тиранизма и т. д.

Сексуальное чувство, половой акт могут сочетаться с жестокостью тремя способами: 1) жестокость следует за копуляцией; последняя не дает удовлетворения и субъект заканчивает серией зверств над своей жертвой; 2) жестокость предшествует копуляции; в этом случае жестокость восстанавливает потенцию, уже ослабленную или исчезнувшую; 3) копуляция не имеет места и она замещается жестокостью; это садизм в собственном смысле слова, где жестокость является эквивалентом половой любви. Меньшую часть составляют случаи, где половое возбуждение вызывается не путем совершения поступков, приносящих вред другим¹⁸, но только при созерцании подобных сцен жестокости и даже только при представлении подобных сцен.

В плоскости нашей проблемы эти последние случаи особенно поучительны; все же мы не цитируем их более пространно; их легко можно найти в классической монографии Крафт-Эбинга (*Psychopathia sexualis*, 1893) и в сочинении Эйленбурга (*Sexuale neuropathie*, 1896); мы не можем все же не остановиться на одном очень интересном случае Шульца (*Wiener medic. Wochenschrift*, 1896, № 49)¹⁹, где мужчина 28 лет мог иметь сексуальные отношения с женой, только лишь искусственно приводя себя в состояние ярости.

Если бы мы хотели найти в анализированных фактах общие черты, то нам это удалось бы как в сущности этих двух эмоций, так и в их внешнем проявлении. Любовь и злоба представляют две большие страсти, которые приводят психомоторную сферу в состояние высшей степени напряжения. Во внешних проявлениях этих двух эмоций можно найти также много похожего, общего. Многие люди, в сущности здоровые, только несколько более пылкие и горячие, достигая кульминационной точки полового наслаждения, начинают кусать и царапать.

«Неограниченные возможности мужчины по отношению к женщине, которая ему отдается; сходство акта половой любви и акта

подобных случаях разрушает собственное гнездо и разбивает яйца, он убивает самку и для его укрощения нужно ему дать двух. В некоторых породах пауков самка, которая более крупна, чем самец, втягивает в паутину самца и убивает его после спаривания.

¹⁸ Молль (*Moll, Die contrare Sexualempfindung*, 1891). Имеется исключительно интересное наблюдение, где жестокость (специальное нанесение ранений) сопровождалась патологическими (гомосексуальными) половыми сношениями.

¹⁹ Цит. по: Крафт-Эбинг, 1893.

кровавой жестокости, сходство, обусловленное борьбой за первый поцелуй, борьбой за осквернение женщины кровью через разрушение ее эпидермиса, ее растление, сходство, обусловленное истинным или притворным сопротивлением женщины, наконец, переживанием победы, триумфа, унаследованным, может быть, с того времени, когда нападение и борьба предшествовали обладанию женщиной; все это, – говорит Курелла²⁰, – обуславливает некоторое родство между сладострастием и жестокостью, давно известное».

Период полового созревания, время появления первых менструаций у девочек есть не только пора более интенсивного религиозного чувства, о чем мы уже говорили в первой части нашей работы, но в этот период у девочек возникает также склонность к безмотивному убийству. По Дриллю²¹, это было известно уже со времен Гиппократов, склонность к убийству наблюдается также иногда в течение болезни половых органов у женщин (Азам). Дагоне²² наблюдал больную, у которой во время каждой менструации возникали импульсы к зверским убийствам; под влиянием этого предрасположения она убила трех своих детей. Икар²³ собрал более двадцати случаев убийств, совершенных женщинами в период менструаций, убийств, совершенно непонятных и бесцельных: одна бонна убила двухлетнего ребенка, который находился под ее надзором; жена убила своего мужа, которого когда-то очень любила; мать убила своих детей; иногда женщина убивает первого встречного, словно она не может удержаться от убийства. О нескольких таких случаях сообщает Ковалевский²⁴. Наконец, у Ломброзо и Ферреро²⁵ есть указания, что некоторые преступницы совершали убийство в период менструаций.

Остановимся еще на некоторых соображениях физиологического характера, которые также говорят в пользу наличия связи между сладострастием и жестокостью. В «Физиологии» Рудольфа можно найти интересные наблюдения, свидетельствующие о том, что у

²⁰ *Naturgeschichte des Verbrechers*, 1893.

²¹ *Les criminels mineurs*. I, 1844. Он цитируется здесь по сочинениям: *Semelaigne, Etudes historiques sur l'alienation mentale dans l'antiquité et Azam, De la folie sympathique*.

²² *Traité des maladies mentales*, 1894.

²³ *Op. cit.*

²⁴ *L'état menstruel et les psychoses menstruelles. Archives XXIII*, 1, 1894. Это случаи Крафт-Эбинга, Вестфала, Тюка, Гиро и Балля.

²⁵ *Op. cit.* Достоверность этих указаний сомнительна.

кастратов, стариков и пораженных спинной сухоткой чувство свирепости и жестокости исчезает²⁶. Этому соответствует и тот общеизвестный факт, что быки, бывшие яростными и злыми, становятся после кастрации послушными и даже добрыми.

Сошлемся еще на один факт, много раз отмеченный, что раннее появление сексуального инстинкта, ранняя и непрерывная мастурбация часто идут вместе с очень резко выраженной склонностью к злым выходкам и к экстраординарной свирепости. Ломброзо²⁷ заимствовал у Эскироля «один очень курьезный случай, в котором наряду с непристойными наклонностями наблюдалась отчасти ими же вызванная навязчивая идея убийства родителя. Субъект обладал ясным зрелым умом и был в то же время примером морального помешательства и криминальности».

Подобный случай описали Морро и Ломброзо (*Archivio di psych. scienz. penal*, II, 1883), когда у трехлетнего ребенка имелась наряду с мастурбацией выраженная склонность делать гадости. Несколько случаев того же рода имеются у Маньяна (*De l'enfance des criminels*), так же как и у Шнепфа (*Des aberrations du sentiment*); особенно интересен случай Шарко и Маньяна (*Inversion du sens génital, Arch. de Neurologie* 1882): мальчик шести лет предавался мастурбации и при этом в своем воображении он подвергал девочку всевозможным мучениям; он «ей вбивал в стопы гвозди, как это делают при подковывании лошадей, или он ей отрезал ноги».

Мы закончим эту часть нашего сочинения словами м-м де Ламбер²⁸ (*Oeuvres morales* 1883): «В любви всегда есть некий род жестокости; удовольствия любовника получаются не иначе как через боль любимой. Любовь питается слезами».

III

В необходимости установить родство между жестокостью и религиозным чувством мы утверждаемся по следующему соображению: два чувства, каждое из которых находится в родстве с третьим, должны быть родственны между собой. Если мы смогли доказать связь между чувством религиозным и сексуальным (I), если

²⁶ Цит. по: Blumröder, *Veber das Irresein*, 1836.

²⁷ *L'homme criminel*, 1, 1895.

²⁸ Цит. по: Féré: *Le sadisme aux courses de taureaux. Revue de médecine*, 1990.

далее нами доказана связь между жестокостью и сексуальным чувством (II), тогда мы, по-видимому, тем самым почти доказали связь между жестокостью и религиозным чувством (III). Тем не менее, мы не имеем намерения удовлетвориться такой формальной аргументацией. Мы предпочитаем обратиться к словам другим.

«Что удивительно, – пишет Корре²⁹, – так это частота альянса религиозности и низших инстинктов. Религия не препятствует ни пороку, ни преступлению; она иной раз даже дает предлог к тому и другому. Итальянские бандиты в своих экспедициях не забывают Мадонну подобно тому, как некогда флибустьеры большую часть их добычи прятали в церквах; испанские проститутки отдают свою постель под покровительство Девы; грешницы высшего света с полным равнодушием идут от исповедальни к ложу своих любовников.

Набожность, рожденная безотчетным страхом перед темными силами, которые человек назвал божественными и которым по интуиции его собственной природы он всегда приписывал больше жестокости, чем милосердия, развивается вместе с пониманием своего ничтожества в мире, почти неизвестном, она возникает как потребность в протекции у незащитного существа. До всякой цивилизации человек для достижения блага или только жалости Господа незримого и его спутников (духов), материализованных в самых устрашающих элементах или воплощенных в самых опасных зверях, прибегал к смиренной мольбе и спонтанным приношениям.

Основанная на страхе и на интересе, только путем очень непрямых действий религия проникла в цивилизацию. Это некое бессилие, которое парадоксальным образом служило иной раз рождению силы, как война, будучи отвратительной вещью, может послужить иногда исправлению зла: то и другое имеет облик чувств самых великолепных наряду с самыми худшими.

Итак, вполне естественно, что церебральное свойство, на котором покоится религиозность, встречается и у некоторых наиболее закаленных личностей как показатель недостаточности, не угашенной социальным прогрессом. Встречается эта церебральная особенность и у индивидуумов, недостаточно уравновешенных, как

²⁹ *Corré. Les criminels*, 1889.

проявление чувств, не регулируемых интеллектом. Религия и пред-
рассудки (что для нас едино) мирятся с антиальтруизмом».

Если «добрый Самуил распилил заключенных между двумя досками³⁰, если сыновья Аллаха, Саваофа и др. с большой выгодой заменили человеческое жертвоприношение массовыми убийствами язычников и в свою очередь – мусульмане – убийствами христиан; если ортодоксия и ересь, инквизиция и королевская власть покрыли кровью руины Европы, Америки и всего мира; если святая рутина боролась против науки железом, огнем, застенками и отлучением от церкви, то это делалось в честь Отца всевышнего, во славу божью, его викариями и его привилегированными представителями. То хорошо, что приказано Господом; то плохо, что Богом отвергнуто: убийство, вероломство, если они предписаны, становятся высшей заслугой».

Просим прощения за столь длинные цитаты и возвращаемся к фактам. На 200 убийц итальянцев Ферри не нашел ни одного нерелигиозного человека. В Неаполе, по сравнению со всеми другими городами Европы, установлено наибольшее число преступлений против личности; на 100 000 жителей имеется 16 убийц, тогда как в остальной Италии не больше 8. В то же время Неаполь – наиболее религиозный город в Европе. «Нигде, – сказал Гарофало, – не имеется такого несметного количества религиозных процессий, как в Неаполе; нигде все предписания церкви не исполняются с таким рвением, как там»³¹.

Жоли³² пишет о Нормандии, где уважение ритуальной религиозности очень распространено, что там в то же время очень высока преступность; он приводит даже поговорку, имеющую хождение среди жителей Лозера: «У лозерьенца четки в одной руке и нож в другой».

Остановимся на некоторых отдельных фактах, заимствованных из сочинения Ломброзо «Преступный человек». Верцени, который задушил трех жен, выделялся среди самых усердных прихожан и исповедующихся; он происходил из семьи не только религиозной, но и ханжеской. Убийцы Бертольди, отец и сын, ежедневно при-

³⁰ *Lefèvre. La religion*, 1892. В истории религий имеется много такого, что может представить для нас интерес; к сожалению, мы не можем позволить себе этими сведениями занять эту часть нашей работы.

³¹ Цит. по: *Havelock Ellis, Verbrecher und Verbrechew, Deutsche Ausgabe von Kurella*, 1894.

³² Цит. по: *Lombroso. Le crime, causes et remedes*, 1899.

существовали на мессе, стоя на коленях, *преклонившись до земли*. Богжия, приговоренный в Милане за 34 убийства, выстаивал мессу каждый день; он носил балдахин во время всех процессий святых таинств; он не пропускал ни одной церковной церемонии; он непрерывно проповедовал христианскую мораль и религию и стремился быть во всех религиозных объединениях. Марк... юный неаполитанец, убивший своего отца, был нагружен амулетами. Авелина в письме к своему сообщнику заметила, что своего мужа она отравила под божьим покровительством. Цамбеккари обещала принести в дар церкви Нотр-Дам де Лоретт чашу в том случае, если ей удастся отравить своего мужа. Мишеллин, одобряя план одного убийства, сказал своим сообщникам: «Я приду и сделаю то, на что вдохновляет бог».

Лаколланж, душивший всех своих несчастных любовниц, которым он давал отпущение грехов в момент смерти, затем, выполняя их волю, совершал мессу.

Бурз, тотчас после совершения кражи или убийства, спешил преклонить колени в церкви. Мазини со своей бандой встретил однажды священника с тремя его соотечественниками; он медленно перепилил горло зазубренным клинком одному из них; затем рукой, еще испачканной кровью, он заставил священника дать ему причастие.

Если, как мы пытались показать, преступные и жестокие люди очень часто оказываются очень религиозными, то, с другой стороны, люди религиозные и тем более фанатичные оказываются очень часто людьми жестокими. Можно привести целую серию ужасающих убийств в жизни пиетистов Западной Европы³³, убийств, совершенных в религиозном экстазе.

Мы не говорим о преступлениях, совершенных психически больными под влиянием религиозной моноomanии³⁴. Мы сошлемся на авторитетное мнение Марка, так же как и на Мореля. «Примеры чудовищных преступлений, – говорит Марк³⁵, – являющиеся следствием религиозной моноomanии, к сожалению, не столь редко чер-

³³ Подобные случаи можно найти у Левенстима: *Фанатизм и преступление*. СПб., 1898. Левенстим использовал следующие сочинения: *Dr. Salat. Versuche über Supernaturalismus und Mysticismus*, 1823; *Meyer. Schwärmerische Grauenszenen oder Kreuzigungsgeschichte einer religiösen Schwärmerin in Wildenspruch*, 1824.

³⁴ Случаи убийств, совершенных больными с религиозным бредом, можно найти у Балля, Мореля и др. См. также: *Despine. Psychologie naturelle*, II, 1868.

³⁵ *De la folie considérée dans ses rapports avec les questions medicojudiciaires*, 1845.

нят страницы истории человечества. Убийство, самоубийство, прелюбодеяние, сожжение, самая ужасная жестокость, самые вредоносные аффекты часто не имеют иного источника». Морель пишет: «Науке известны частые случаи убийств, осуществляемых помешанными под влиянием бредовой религиозной идеи»³⁶.

Очень показательны в плане интересующей нас проблемы сексуальные преступления, совершаемые вследствие мистического бреда [Крафт-Эбинг (Krafft-Ebing). *Sexuelle Delicte bei religiöser Paranoia*]; при этом у одного и того же лица в одно и то же время можно констатировать жестокость, сексуальную развращенность и набожность; мы не расположены описывать все возможные такого рода случаи.

По этому поводу мы должны коснуться еще одного обстоятельства из области психиатрии: мы имеем в виду дегенерацию характера у эпилептиков.

У большинства этих больных можно наблюдать чрезвычайно интересное сочетание лицемерия и жестокости – эти люди говорят постоянно о боге, постоянно ходят в церковь и обнаруживают в то же время крайнюю жестокость по отношению к их близким.

История сект всех времен и народов дает массу примеров по интересующему нас вопросу. Мы скажем только об одной секте, о русской секте «хлыстов». Мы используем при этом сочинение Левенстима «Фанатизм и преступление». «Хлысты» собираются на их религиозные церемонии, называемые «радения». Когда они собираются на эти «радения», они слушают своих пророков; но для того чтобы пророчествовать, необходимы моления и «радение».

Это «радение» должно умертвить плоть, привести человека в некий нервный экстаз, во время которого он может отрешиться от мира и пророчествовать. Этот экстаз возрастает и овладевает всеми присутствующими лицами, он возникает как продолжение танца, во время которого они бьют друг друга и женщины обнажаются... Во время этих церемоний нервное возбуждение достигает высшей ступени и люди впадают в экстаз, во время которого они в состоянии не только отдаваться самому грубому разврату, но и совершать опаснейшие деяния. Мы опишем более подробно один случай, ставший причиной уголовного процесса, случай, в котором объединились все три изучаемых феномена.

³⁶ *Traité théorique et pratique des maladies mentales*, 1853.

Прасковья К., С., Х., принадлежащие к секте «хлыстов», 13 июня 1869 г. прибыли на «радение» к их руководителю К., и отсюда они поехали на повозке, на которой кроме трех упомянутых лиц находились дочь крестьянина К. и крестьянин К. Прасковья К. называла себя все время или святой Девой Марией, или Варварой Великомученицей; другие полностью ей подчинялись, хотя С. называл себя Иисусом Христом. Прибыв к озеру, Прасковья приказала бросить девочку К. в воду; это распоряжение было немедленно исполнено, несмотря на сопротивление бедной девочки. Затем та же Прасковья приказала сечь крестьянина К. С., выполняя волю Прасковьи, начал наносить удары хлыстом, но К. не мог больше терпеть, он убежал от своих тиранов и спрятался в канаве, откуда наблюдал, что делают другие. С. и две женщины, раздевшись догола, начали танцевать, целуя и избивая друг друга. Затем С. и Прасковья принялись бить Х. Конец был таков, что они потащили его к повозке, привязали к колесу и два раза проехали по нему. С. впал в такой экстаз, что лег под ноги лошадей, которые прошли по нему. Прасковья подняла его полуживого и всего окровавленного, и они поехали галопом.

Трудно найти более красноречивый пример. Эту часть нашего очерка мы закончим двумя примерами из истории.

Первый относится к Людовику XI. Его жестокость вошла в поговорку, и в то же время он был необычайно набожен, он проводил свое время или бормоча молитвы, или осматривая железные клетки, где содержались жертвы его жестокости. Второй пример – Иван IV Грозный. Мы приведем слова Ковалевского³⁷: «Жизнь царя проходила между алтарем и камерой пыток, в обществе духовных лиц и исполнителей его бесчеловечных и жестоких приказаний. Часто он бывал и настоятелем монастыря, и палачом в одно и то же время. Он просыпался в полночь, и его день начинался молитвой. Часто, присутствуя на обеде, он давал распоряжения самые свирепые и самые жестокие. После обеда царь вел набожные беседы со своими фаворитами или шел в камеру пыток, чтобы пытать одну из своих жертв».

К сказанному необходимо добавить, что смесь аскетизма, суровой набожности и свирепости дополнялась у Ивана необузданной, крайне аморальной сексуальностью. Вновь обнаруживается сочетание мистицизма, сладострастия и жестокости.

³⁷ Иван Грозный, 1893.

Заключение

Из всей литературы, которую мы изучили, только у Фере, у Крафт-Эбинга и еще у некоторых других авторов мы нашли указания на связь трех чувств. Имеется много высказываний относительно связи религиозного и сексуального чувств; еще более, может быть, о связи жестокости и сладострастия; относительно меньше по поводу связи религиозного чувства и жестокости и еще меньше относительно связи всех этих трех чувств. Насколько же более поучительным должен представляться факт, заключающийся в том, что идея родства этих трех страстей была высказана вполне определенно более ста лет тому назад злополучным философом-мистиком Фридрихом фон Гарденбергом, названным Новалисом³⁸, мы приводим буквально его слова, значение которых должным образом не оценено до сих пор: «Удивительно, что внимательные люди давно уже заметили интимную родственную связь и общие тенденции сладострастия, религии и жестокости». «Довольно странно, – говорил он, – что давнишние ассоциации сладострастия, религии и жестокости не привлекли внимания людей к их интимному сродству и общности тенденций». Каковы бы ни были последствия, вытекающие из наших данных, они могут показаться многим недостаточно обоснованными, и некоторые найдут их даже абсурдными. Мы не остановимся перед этим препятствием. Мы считаем возможным сделать следующее заключение.

Во-первых, религия, жестокость и сладострастие – ближайшие родственники. Одно из этих чувств возрастает рука об руку с другими, одно замещает другое. Во-вторых, из трех исследованных чувств наиболее сильным является сексуальное чувство; религиозное чувство и жестокость в некоторых случаях могут быть рассматриваемы как заменители все сильного сексуального инстинкта. Юристы, учителя и моралисты не должны это забывать. В-третьих, объединение этих различных чувств в одну группу может иметь значение для естественной физиологической классификации чувств, классификации, которая станет возможной в будущем.

³⁸ *Novalis. Schriften, herausgegeben von Ludwig Fieck und Fr. Schlegel.* II, 1826.